САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

КОЛДОВСТВО

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К60

Серийное оформление: *Юлия Межова*
Составители: *Парфенов М. С., Олег Кожин*

К60 Колдовство: [сборник].— Москва: Издательство АСТ, 2022.— 509, [1] с.— (Самая страшная книга (мягкая)).

ISBN 978-5-17-149354-7

Утраченное века тому назад знание. Могущественная древняя сила. Таинственный гримуар, пламя свечей и заклинания на латыни...

Это ли колдовство?

Кровь на темном алтаре и крик обреченной жертвы. Лезвие ритуального ножа в лунном свете, кощунственная месса и адские муки...

Это ли колдовство?

Прикосновение к непознанному и пропащая душа. Богохульство и взгляд за грань, спасение и погибель...

Это ли колдовство?

Новая антология от создателей бестселлера «13 ведьм» и культовой серии «Самая страшная книга». Истории о магии, ведьмах и колдунах, написанные лучшими отечественными рассказчиками — Дарьей Бобылёвой, Максимом Кабиром, Олегом Кожиным и другими.

Всё это — «КОЛДОВСТВО»...

© Авторы, текст, 2020
© Татьяна Веряйская, обложка, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Дарья Бобылёва
ЛЮБИМЫЙ

Ника была девочкой славной, отзывчивой. Когда она поняла, что Генка Лутавинов не просто забавно барахтается в переливающейся мазутными разводами воде, а действительно тонет, то захотела помочь. Пусть Лутавинов и подкараулил ее на берегу и пытался сорвать шортики, больно щипал и тискал — все-таки он тоже человек. Ника нашла среди вспененных шапок водорослей и другого речного мусора длинную палку, протянула Лутавинову:

— Держись!

Но тот уже не видел ни палку, до которой все равно было добрых два метра, ни Нику. Что-то другое он видел, бессмысленно таращась куда-то через ее левое плечо. Ника все оборачивалась, не понимая, что же там, у нее за спиной, такого интересного, и тянула дураку Лутавинову палку. Тот пропадал под водой и снова выныривал с хриплым полувдохом-полувоплем. По лестнице с набережной уже бежали взрослые, сверху бросили красный круг. Нику оттеснили, и она потеряла Лутавинова из виду. А потом у двери подъезда, в котором он жил, появилась разукрашенная цветами и завитушками, как киевский торт, крышка небольшого гроба.

Бабушка в тот день долго возилась на кухне и никого туда не пускала. А потом позвала Нику и маму к столу, который успела накрыть праздничной

скатертью из вологодского кружева. Нике дали ложку необычной сладкой каши с орешками, бабушка и мама тоже съели по ложке, а оставшуюся кашу бабушка поставила на окно и велела не трогать.

— Это что? — спросила Ника.

— А это, лапушка, кутья. Угощение для тех, кто нашу еду не ест. Как в старину считалось — вроде для душенек,— объяснила бабушка.

— Для Лутавинова?

— Глупенькая.— Бабушка потрепала Нику по гладкой русой голове.— Ему-то уже без надобности.

Саня, когда увидел Нику на школьной дискотеке, тоже подумал первым делом — какая славная девочка. И ничего, что залакированная прическа разваливается. И что платье все время одергивает — платье было модное, синтетическое, чесалось все под ним безбожно. Саня выпил полбутылки пива и любил с непривычки весь мир: и музыка была отличная, и танцевали неловкие парочки в пропахшем острым подростковым потом зале очень здорово. И случайно попавшую в поле зрения Нику, которая забилась в угол, чтобы чесаться там незаметно, Саня полюбил тоже. Решился и подошел к ней, предложил потанцевать. Ника кокетливо повела глазами — красивыми, без дураков красивыми, голубыми с прозеленью,— и спросила:

— А что мне за это будет?

— А я на тебе женюсь,— уверенно мотнул приятно шумящей головой Саня.

И завязалось, закрутилось у них так быстро, как только у старшеклассников бывает, когда на всю жизнь, вдвоем против мира и строгой морали, в старых книгах по школьной программе вычитанной и воскрешенной силой полудетского воображения,

потому что — в первый раз. Глаза, губы, груди, рельеф мышц — все было изучено в редкие моменты уединения, используемые жадно и до последней капли, всему вознесена безмолвная хвала. Сане нравился пунктир нетронутых волосков, спускавшихся от Никиного пупка, а Нике — запах его взмокших от постоянного томления подмышек.

А потом их почти бесплотное счастье перечеркнули две малиновые полоски на тесте, который Ника сначала долго не могла достать из упаковки, а потом еще час терпела, не решаясь сделать то, чего требовала инструкция.

Саня пришел знакомиться с Никиным семейством. Состояло оно из мамы, бабушки и парализованного, безъязыкого деда. Дед, обложенный подушками, смотрел телевизор у себя в комнате, а мама с бабушкой смотрели на прижавшихся друг к другу Саню и Нику. В фарфоровых гостевых чашках остывал чай, Ника грызла печенье — ей все время хотелось есть. Удивительно было, насколько мама, бабушка и Ника оказались похожи между собой — те же голубые с прозеленью глаза, кожа светлая, тонкая, «мраморная», те же русые-русалочьи длинные волосы, даже у не поседевшей еще окончательно бабушки...

— Ты ее жалей, не обижай.— Мама Ники сжала Санину руку своей, узкой и неожиданно сильной.— Кто женщин из нашей семьи обижает, тот не живет долго.

Саня кивал и отчаянно улыбался. В кухне что-то с шипением полилось через край, запахло горелым. Мама испуганно охнула и метнулась спасать свое варево. Бабушка проводила ее укоризненным взглядом и придвинулась ближе к онемевшей от смущения парочке.

— Шутит она, не бойся. Если ты к нам с добром, то и к тебе с добром. Только подумай хорошенько, дело-то молодое.— Бабушка понимающе подмигнула.— Если не хочешь всю жизнь с ней жить, отступись сейчас. Доченьку ее мы и без тебя воспитаем.

Вообще-то Саня ждал сына, которого хотел назвать мужественным именем Захар.

— А вы откуда... — начал было он.

— А я, лапушка, все знаю.

Отступаться Саня не собирался: человеком себя считал порядочным и потому твердо решил в свои восемнадцать мальчишеских лет и вправду на Нике жениться.

— Зато не в армию,— говорила Санина мама и, плача, отвешивала покорно наклонявшемуся к ней сыну очередной подзатыльник.— И девочка хорошая вроде... Дур-рак! Но не в армию зато.

Хотя какая армия, Саня здоровьем с младенчества не отличался — и с почками нехорошо, и сердце слабое, и язвенный гастрит. Только в последние полгода любовь к Нике его исцелила — порозовел, вес набрал, даже видеть стал как будто лучше.

Немногочисленный свадебный кортеж чуть не опоздал в ЗАГС — украшенная лентами и колокольчиками машина, в которой везли маму, бабушку и подружек Ники, вдруг заглохла посреди улицы, будто выключилась. И сколько ни прыгал вокруг нее наемный шофер, ни заглядывал под капот — причина поломки не желала себя показывать. Через пару минут она завелась сама, но едва шофер вздохнул с облегчением и откинулся на спинку водительского кресла, как бабушка, обведя всех озорным русалочьим взглядом, шепнула:

— Девять зерен, десятая невеста, кони — ни с места!

И снова оборвалось размеренное урчание мотора, а шофер с матерным стоном ударил кулаком по рулю.

— Мама!..— нахмурилась будущая Санина теща.

Бабушка улыбнулась девчонкам, девчонки захихикали, и машина благополучно продолжила свой путь.

Жить стали у Ники — Саня с мамой и так елеле, со скандалами, умещались в «малосемейке» общежития от химзавода, а таких денег, за которые можно снять свое гнездо, молодожены и в руках никогда не держали. Родилась девочка Верочка, и первой о ее прибытии в мир Сане сообщила теща. Поманила на кухню, выставила на стол бутыль, в которой плеснулось темное. Саня стеснялся пить при теще, да и крепкие напитки его организм еще не умел принимать. Но на душе было так странно и радостно, точно он сдал экзамен на звание настоящего взрослого человека, перескочил, опережая график, из поколения детей в ряды тех, кто сам умеет их делать.

Теща наполнила две стопки, Саня выпил, подивившись травяному вкусу, в котором выделялась острой горечью полынная нотка. Потом выпил еще и еще, и незаметно набрался так, что уткнулся лбом в стол, пытаясь остановить тошнотворную карусель у себя в голове...

Весь следующий день Саня проболел, и Нику с дочкой забрали из роддома без него. Он с трудом выполз в прихожую, чтобы встретить семейство с прибавлением, и снова поразился сходству Ники, ее мамы и бабушки. Они стояли рядом, одинаково

усталые и простоволосые, и Ника прижимала к груди украшенный бантом сверток. Саня заглянул в него и немного расстроился, не заметив в еще скомканных чертах ребенка ничего своего. Девочка отвернулась и захныкала.

В большой, с высокими потолками квартире, где для раздвигания штор по старинке использовали специальную палку, молодым отвели собственную комнату, туда же поставили и кроватку с младенцем. Раньше это была комната тещи, та перебралась к бабушке, а парализованный дед остался в своей, персональной. Подвижной у него была только правая рука — жилистая, поросшая густым курчавым волосом. Саня побаивался деда, его воспаленных бессмысленных глаз и перекошенного рта. Да и дед его вроде как невзлюбил — заметив Саню через приоткрытую дверь, принимался рычать и елозить рукой по тумбочке, скидывая с нее многочисленные медицинские приспособления для поддержания своей полужизни. С висевшей над изголовьем увеличенной желто-бурой фотографии деда в молодости на Саню с веселым презрением глядел смуглый крупноносый красавец.

Никина бабушка так и ворковала над зажатым в тиски подушек супругом. Из-за стенки Саня постоянно слышал подробные рассказы о том, что она ему сегодня приготовила и как это вкусно, прерывавшиеся ласковым: «Ничего, Андрюшенька, ничего, потерпи». И пеленки она меняла ему так часто и ловко, что не было и намека на тот тяжелый кошачий запах, который стоит обычно в доме, где есть лежачий больной. От младенца и то сильнее пахло.

И еще, когда воркование стихало, Саня иногда слышал из комнаты деда чмокающие звуки, вздохи,

поскрипывание. Он сразу хватал наушники, учебник — но коварное воображение уже успевало в подробностях нарисовать ему те ухищрения, к которым сейчас прибегали — могли прибегать — за стенкой бабушка и ее недвижимый возлюбленный.

В институт Саня, как ни старался, поступить не сумел, пошел работать — сначала курьером, как полагается, потом продавцом, потом менеджером с труднообъяснимыми функциями и постепенно дорос до заместителя директора фирмы, основанной прытким одноклассником. Верочка тоже росла, росла и Ника — вширь, к сожалению. Она сразу с готовностью и даже азартом приняла правила игры в жену, мать, домовитую хозяйку, так что уже через год, а то и раньше обзавелась халатом и бесформенной прической. С утра первым делом спрашивала у Сани уютным голосом, что сегодня приготовить. Называла его исключительно «любимый» — хорошо, конечно, что не зая или котя, но порой Саню так и тянуло спросить: а ты вообще помнишь, как любимого зовут-то? О еде говорила уменьшительно-ласкательно, как о дочери — курочка, хлебушек, мяско. Саня тут же вспоминал воркование бабушки над мычащим дедом, и его передергивало. Он пытался прогнать все это, вернуть ощущение летящего, холодящего в подреберье счастья, прижимал к себе мягкую Нику и, закрыв глаза, изо всех сил любил ее — ту, давно прошедшую, с пунктиром русых волосков на впалом нежном животе. И Ника жадно отвечала ему — пресная и потускневшая днем, ночью она становилась ненасытной, и Сане иногда казалось, что прямо под его руками истончается ее тело и кожа становится гладкой, влажной...

Потихоньку они начали ссориться. И удивительное дело — пострадавшей и обиженной из перепалок

всегда выходила Ника, а вот здоровье портилось у Сани. То температура поднималась, то желудок скручивало, то моча вдруг шла бурая, страшная. И сон плохой становился: ворочался Саня, ворочался, а когда засыпал наконец под утро, чудилось ему продолжение скандала, будто ругается он с Никой, а может, и не с ней — голос похож, и глаза похожи, а остальное ускользает от внимания, тонет в мареве. И ни слова не разобрать, только понятно, что не переспоришь ее, и он кругом виноват, и будет за это какое-то неопределимое, но страшное наказание. Саня просыпался, хватая ртом воздух, и долго потом успокаивался, жалел себя — вот, значит, какой он человек хороший, нервный, совестливый. Переживает.

Однажды под кровать закатилась ручка. Саня кряхтя отодвинул супружеское ложе и увидел, что паркет под ним исцарапан странными, ни на что не похожими знаками. А у самой стены лежит облепленная пушистыми комьями пыли тряпичная куколка-закрутка — безликий мятый шарик головы, раскинутые руки. И откуда что взялось, вроде сам кровать сюда и ставил, а ничего такого не заметил. Саня нашел в стенном шкафу мастику, затер кое-как царапины на паркете, а куклу выкинул в мусоропровод.

Через пару недель, повинуясь смутному подозрению, Саня приподнял край покрывала и осторожно заглянул под кровать. В пыльной полутьме белела новая куколка.

За каждой стеной ходили, говорили, дышали. Мычал бессмертный, похоже, дед. И, наверное, именно от этого непрестанного шевеления посторонней жизни вокруг у Сани начали постепенно сдавать нервы. Ему стало казаться, что рядом по-

стоянно кто-то есть. Даже когда он оставался в квартире один — не считая, разумеется, деда,— ему чудилось, что кто-то наблюдает за ним, смотрит в спину, вздыхает над ухом, и кожа стягивается мурашками от еле заметного движения воздуха. Саня оборачивался, вскакивал — и узоры на старых обоях складывались в фигуры и лица, смотрела исподлобья с фотографий старательно замершая для увековечения пожелтевшая родня. У всех глаза были светлые, продолговатые — как у Ники, и мамы, и бабушки, и Верочки. Все портреты были женские. Саню окружали, следя за каждым его движением, легионы подретушированных копий жены и тещи.

Как-то Саня здорово перебрал на корпоративе. Вернулся поздно, все уже спали. Долго возился в прихожей, воюя с качающимися стенами и исчезающими выключателями. Вышла теща в чем-то воздушном — в пеньюаре, что ли, подумал Саня, и от этого слова его затошнило,— посмотрела и молча исчезла. Саня сполз на пол и решил, что вот сейчас посидит, отдохнет, потом сдерет наконец эти чертовы ботинки, умоется... А потом ботинки кто-то с него снял, запорхали, расстегивая пуговицы, ловкие руки.

— Вставай, Сашенька. Ничего, ничего, потерпи...

Внезапно протрезвевший Саня вскочил, шарахнулся от бабушки и набил себе шишку об угол полки. Бабушка сочувственно погладила его по плечу, он хотел крикнуть «не надо», но язык по-прежнему не слушался, и Саня хрипло замычал, совсем как дед. Натыкаясь на стены, он бросился в их с Никой комнату и там каким-то чудом упал, споткнувшись, не на пол, а в кресло. Жена и дочка заворочались, но не проснулись.

Перед тем как отключиться, он услышал за дверью бабушкин вздох:

— Не выдержит, лапушка...

В беспокойном, жарком сне Сане примерещилась большая рассерженная птица, похожая на сову, но с глазами не круглыми, а продолговатыми, человечьими. Она кидалась на него, стаскивала одеяло, била крыльями по щекам и клевалась. Саня проснулся с головной болью — не то от выпитого, не то от шишки — и синяками по всему телу. К подбородку прилипло темное перышко. Из подушки, наверное, выбилось.

Вскоре Саня начал понимать, что и впрямь не выдержит. Что не для него все это, и Ника не для него, и семья ее русалочья — тем более, никогда он здесь не приживется, так и останется чужаком, которого терпят и приглядывают за ним, ни на секунду не оставляя в одиночестве. И, наверное, даже дочка Верочка не для него. Верочка росла застенчивой букой, играла тихонько — не то сама с собой, не то с воображаемыми друзьями, которые как раз начали в моду входить. Ни единой Саниной черточки в ней так и не проглянуло, и держалась она всегда при матери, а его как будто немножечко побаивалась.

Ночные Никины объятия стали неприятными, изматывающими, и при сопевшей в углу дочери было неловко, а еще Саню немного пугало то, как Ника шарит руками по кровати, когда он от нее откатывается, ищет его словно слепая.

А тут еще новенькая появилась на работе — Маша. Тонкая, смешливая, с акробатической легкостью бегающая на невообразимых каких-то каблуках. Саня пару раз подержался за ее теплые

пальчики чуть дольше положенного, передавая всякую офисную мелочь, сразил остроумием, пригласил на кофе... А потом мечты о служебном романе, ни к чему не обязывающем, перестали приятно щекотать воображение и сами собой увяли. И Саня вновь погрузился в мрачное безразличие ко всему на свете, а при взгляде на Машу злорадно представлял, что вот станет она женой — не его женой, боже упаси,— просто получит это звание, о котором они все так мечтают, этот орден,— и сразу пропадут и каблуки, и юбочки в обтяг, и шуточки в тон и попрет во все стороны неопрятное, тупое самочье естество: еда, дети, еду детям, в магазин надо, почини кран, кушай, мы уже покушали, а ты покушал?..

Все крепче и больнее ввинчивалась в голову Сани мысль о том, что дальше так невозможно, невыносимо, что надо как-то это прекратить, вырваться из семейного круга, в котором он крутился уже столько лет, точно на колесе сансары меж костров страданий. Даже ночью он просыпался от ужаса, что так и прокрутится всю жизнь и умрет здесь, на этой самой постели... И чувствовал на потном лбу холодный вздох, и кто-то пристально вглядывался в него из темноты.

Совсем кромешным этот ужас стал, когда умерла Санина мама — главный свидетель того, что была у него когда-то и другая жизнь. На сороковой день теща накрыла на стол, в центр поставила миску каши с медом и орехами и бутыль все той же травяной домашней настойки. Саня, вернувшись с работы и застав последние приготовления, здорово рассердился — это была, в конце концов, его мама, он бы сам все организовал, если уж так важны эти ритуалы...

— Тише, тише,— примирительно зашелестела бабушка.— Так уж положено, надо душеньку проводить.

Памятуя о чудесных свойствах темной настойки, Саня пил мало и зло. И все равно пропустил тот момент, когда в голове зашумело, а к горлу подступила комком полынная горечь.

— Тяжела доля женская,— говорила между тем бабушка, подняв бокал. Закатные отблески вспыхивали в хрустальных узорах и обжигали радужку, Саня щурился.— Растила, все отдавала, а не успела оглянуться — у сыночка уже своя семья...

— Вр-рете,— тяжелым пьяным голосом перебил ее Саня и сам похолодел. Но что сказано, то сказано, сорванную крышку назад не прикрутишь — и многолетнее отчаяние брызнуло во все стороны жгучими хрустальными искрами.— Вы мне не семья!

— Любимый... — привстала со своего места Ника.

— Ты тоже!

Вот тут он ей все и высказал единым духом. Что так дальше невозможно, что он страшно ошибся в юности, и давно ее не любит, и хочет развода. Что он впахивает с утра до ночи на ребенка, который его и узнает-то с трудом. Что он застрял здесь как в болоте и ему нужна своя жизнь, свое личное пространство, чтобы не переговаривались за стенами, не подглядывали по ночам, не лезли под кровать — куколку положить...Что Ника могла бы следить за собой и хоть иногда читать что-то, кроме магазинных ценников.

— Говорить-то о чем?! О том, как ты творожок купила сегодня? Рыбку купила? Сметанку?! — орал Саня, и пена выступала у него на губах от ярости.— Покушала! Мороженку!..

По ошалевшему Никиному взгляду было ясно, что она ни о чем и не подозревала, не догадывалась, в каком аду приходится жить Сане, не понимала его совсем. Мать и бабушка молча придвинулись к Нике поближе, дружно грохнув стульями. А за их спинами как будто тоже сплотила ряды бесчисленная родня — Сане, которому только сейчас бросились в глаза фотокарточки за стеклом серванта, почудилось, будто все эти мертвые женские лица выскочили, вынырнули невесть откуда со своей вековечной миной скорбного осуждения.

— Ты, лапушка, проспись лучше да опомнись,— сказала бабушка, глядя на него как на серьезно набедокурившего, но все-таки внука.— А то наворотишь дел...

— Я трезвый! — От прорвавшегося, словно душевный нарыв, гнева опьянение действительно куда-то улетучилось.

— И тон сбавь.

Господи, как же я так в них вляпался, с тоской подумал Саня. Главное — не идти на попятный, не дать слабину, а то насядут, заткнут рот, утащат обратно в семейное гнездышко. Будут давить на жалость, на чувство долга, манипулировать. Надо выбраться, наконец, из их бабьего болота в настоящую жизнь. Замахнулся — так бей!

Мысленно сосчитав до десяти, он извинился и начал вежливо, но твердо объяснять, что пора посмотреть правде в глаза: ему здесь плохо, они с Никой давно уже не семья, а просто совместно воспитывающие ребенка люди, что они не понимают и больше не любят друг друга, и нет ничего хуже такого вот вынужденного сожительства, и надо это прекратить, разойтись, так будет лучше для всех. Ребенка они, конечно, продолжат воспитывать